

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИДЕЙ АРИСТОТЕЛЯ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ ГАНСА КЕЛЬЗЕНА

А. Б. ДИДИКИН

Томский государственный университет

Институт философии и права СО РАН

abdidikin@bk.ru

ANTON DIDIKIN

Tomsk State University, Institute of Philosophy and Law, Russia

RECONSTRUCTION OF SOME ARISTOTELIAN IDEAS IN THE HISTORICAL
AND PHILOSOPHICAL LEGACY OF HANS KELSEN

ABSTRACT. In a short note, the author outlines a series of Hans Kelsen's studies dedicated to Ancient political thought, esp. his *The Philosophy of Aristotle and Hellenic-Macedonian Policy*. He believes that these relatively neglected minor studies of the famous philosopher of law could still be of interest to contemporary classicists and historians of philosophy.

KEYWORDS: Aristotle, normativism, metaphysics, ethic, politics, philosophy of law.

* Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд им. Д. И. Менделеева Томского государственного университета», 2016 г.

Австрийский философ и ученый Ганс Кельзен (1881–1973) широко известен как основоположник нормативизма в философии права.¹ Однако влияние Марбургской школы неокантианства и аналитической философии способствовало формированию у Кельзена глубоких и обоснованных идей для реконструкции истории античной философии. Кельзен как историк философии до настоящего времени остается малоизвестным, несмотря на публикацию им серии историко-философских статей в 30-е годы прошлого столетия в ведущих западных журналах, в частности, статьи *Platonic Justice* в

¹ Kelsen 1950, Кельзен 2015.

журнале *Ethics* в 1938 г.² Годом ранее в *International Journal of Ethics* Кельзен опубликовал статью *The Philosophy of Aristotle and the Hellenic-Macedonian Policy*,³ посвященную исторической и интеллектуальной реконструкции философии Аристотеля, в которой им был предложен интересный методологический подход в контексте теории нормативизма – попытка реконструировать этические и политико-философские взгляды Аристотеля в свете его метафизического учения. Такой принцип единства позволяет не только подчеркнуть оригинальность аристотелевской аргументации, но и вписать философские взгляды мыслителя в социально-исторические условия его времени. Статья написана как обширный по содержанию и аргументации трактат о философии Аристотеля, и заслуживает внимания.

Кельзен утверждает, что этика и политическое учение Аристотеля существенно важны для осмысления моральных проблем современного миропорядка. Учение о добродетелях остается важным и для понимания природы юридических норм, и для осмысления форм государства, и для формирования общественного идеала. Тезис Кельзена о необходимости постижения аксиологии Аристотеля через метафизику детально раскрывается в структуре его статьи о философии Аристотеля.

В первой части Кельзен реконструирует аристотелевскую онтологию. Он утверждает, что в своем учении о бытии Аристотель остается учеником Платона, в частности разделяет его принцип дуализма между идеями и реальностью. Это проявляется в анализе различий между Богом и материальным миром, причем Бог рассматривается как трансцендентальная абсолютная ценность, наивысшее бытие, по отношению к которому мир как совокупность эмпирических явлений взаимосвязан через существование моральных ценностей. В концепции Божества Аристотель подчеркивает различие онтологии и аксиологии через наличие противоположностей между формой и содержанием, движимым и недвижимым, материальным и нематериальным, чувственно постигаемым и непостижимым. В учении Аристотеля о Боге как перводвигателе и первопричине, по мнению Кельзена, проявляется аргументация мыслителя о взаимосвязи этики и метафизики. Нематериальное и неподвижное не существует в пространстве, поскольку это источник всякого движения, сам по себе остающийся неподвижным. Такой перводвигатель не только неподвижен, но и выступает абсолютной причиной. Его способ бытия – причина происходящих в мире явлений, и такой способ бытия является благом. Кельзен утверждает, что аристотелевская метафизика определяет Бога как персональное бытие, не существующее с точки зрения воли и

² Kelsen 1938.

³ Kelsen 1937.

действия, а существующее лишь в мышлении. Это наивысший уровень человеческого опыта и счастья в предполагаемой системе ценностей. В таком случае понятие добра идентично существованию Божества, порождающего все процессы в чувственно воспринимаемом мире.

Кельзен настойчиво приводит примеры из *Метафизики* Аристотеля, подтверждающие признание абсолютного блага в мире по аналогии с философским учением Платона. Эмпирическая реальность составляет лишь некоторый уровень блага, в то время как в Боге как перводвигателе проявляется абсолютное благо. Отсюда, по мнению Кельзена, наблюдается неразрывная связь и единство онтологии и аксиологии у Аристотеля.

Еще один важный методологический аргумент, который приводит Кельзен при реконструкции философских взглядов Аристотеля, – это утверждение об обосновании абсолютной монархии как формы правления в онтологическом учении мыслителя. Такой неожиданный поворот его рассуждений в значительной степени связан со спецификой аргументации нормативистского учения Кельзена. В его трудах неоднократно прослеживается связь между восприятием социально-политической реальности в контексте системы ценностей, подлежащей философскому обоснованию. Так, например, Кельзен в своих статьях детально обосновывает тезис о том, что признание существования абсолютных ценностей предполагает признание монархической формы устройства власти в государстве, в то время как демократическое устройство основывается на принципе релятивизма и изменчивой системы ценностей.⁴ В такой же форме Кельзен приводит аргументы и в концепции ограниченного суверенитета государства с точки зрения международного правопорядка. Такая радикальная аргументация связана с тем, что в нормативизме представление о правовой реальности и сущности права отличаются от традиционного понимания права как совокупности эмпирически наблюдаемых юридических норм, регулирующих поведение людей.⁵ В основе иерархии правовых норм и иных видов социальных норм в нормативизме лежит высший принцип, сформулированный как трансцендентально-логическое допущение, – основная норма.⁶ Основная норма не является эмпирически наблюдаемой, и является результатом рациональной реконструкции. Отсюда признание в аристотелевской метафизике Бога как абсолютного блага и первопричины и влечет за собой, по мнению Кельзена, признание абсолютной монархии как наилучшей формы правления. Такое утверждение австрийского ученого является спорным, учитывая, что Ари-

⁴ Кельзен 2014.

⁵ Kelsen 1951.

⁶ Kelsen 1959.

стотель сравнивает различные формы правления для выбора наилучшей в *Политике*, и рассматривает социально-политические условия функционирования наилучшей формы правления в *Афинской политике*.

Увлеченность нормативистской аргументацией позволяет Кельзену специфически интерпретировать аристотелевскую метафизику. Он утверждает, что в концепции Бога как перводвигателя предполагается отсутствие других неподвижных двигателей. Превосходство и субординация во взаимоотношениях двигателя и движимых объектов, субъекта к объекту напоминает, по мнению Кельзена, отношения в духе монотеизма. В то же время монотеизм сочетается с признанием и политеизма, учитывая особенности античного религиозного сознания.

В следующем разделе статьи Кельзен останавливается на противоречиях этического учения Аристотеля о добродетелях, ссылаясь на признание философом «двойной моральности». Этическое учение основывается на антропологическом понимании человека, состоящего из души и тела, однако в душе разум и желания противоположны друг другу. Как душа над телом, так и разум должен обрести превосходство над желаниями человека, мотивируя его выбор между добром и злом. Но добро как результат разумного выбора может проявляться с точки зрения теоретического и практического разума. Аристотель разделяет дианоэтические и этические добродетели, подчеркивая специфические формы деятельности души. При этом этические добродетели, по мнению Кельзена, олицетворяют гражданскую мораль, когда активное поведение человека в обществе направлено на других людей.

Кельзен критически оценивает попытки Аристотеля провести параллели между этикой и геометрией, когда добро как благо определяется поиском «срединного» пути – выбора между разными видами зла, руководствуясь мудростью. Поскольку представления об этических добродетелях универсальны, то отсюда следует, как полагает Кельзен, что учение Аристотеля применимо к любому социальному порядку, то есть способствует его легитимации с позиции этических добродетелей. Наивысшая аристотелевская добродетель – знание, снова указывает на связь его философских взглядов с учением Платона. Но у Платона наиболее полное знание о благе принадлежит философам, управляющим идеальным государством. А Аристотель интерпретирует этику в метафизическом смысле, не делая акцентов на конкретном идеальном политическом устройстве. Кельзен полагает, что в такой интерпретации проявляются социально-исторические условия античного периода, когда древнегреческие полисы попали под контроль македонской монархии, свидетелем чего и был Аристотель. Такая социологическая точка зрения влияет и на восприятие Кельзеном учения Аристотеля о правильных

и неправильных формах правления. Анализируя указанные формы правления, Кельзен подчеркивает, что неограниченная и наследственная монархия напоминает власть отца над сыновьями в древнегреческой семье, и, по существу, соглашается с тем, что патриархальная теория происхождения государства у Аристотеля больше соответствует выбору им наилучшей формы правления. Кроме того, в контексте античного республиканского полиса, по мнению Кельзена, мифологические представления о древних монархиях остались, несмотря на формирование гражданского сознания у греков. Неслучайно, Демосфен, говоря о власти монарха над людьми, признает ее как власть господина над рабами. Тем самым в интерпретации политико-философского учения Аристотеля Кельзен уделяет значительное внимание эволюции взглядов философа о сущности монархии и демократии. Позднее в *Foundations of Democracy* Кельзен представит развернутый анализ формирования идей демократии в истории и современности.⁷

Монархический и демократический общественные идеалы важны для понимания античной эпохи, в которую формируются платоническая и аристотелевская философские традиции. Несмотря на некоторые спорные вопросы историко-философской реконструкции философии Аристотеля, представленные под влиянием учения нормативизма, работы Кельзена имеют важное значение для постижения античной этической и политико-философской мысли.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кельзен, Г. (2014) «Абсолютизм и релятивизм в философии и политике (1948, перевод с англ. А. Б. Дидикина)», *Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт. Труды III Международной конференции*. Новосибирск, 191–200.
- Кельзен, Г. (2015) «Причинность и вменение» (1950, перевод с англ. А. Б. Дидикина), *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9.2, 271–283.
- Kelsen (1937) "The Philosophy of Aristotle and the Hellenic-Macedonian Policy," *International Journal of Ethics* 48.1, 1–64.
- Kelsen, H. (1938) "Platonic Justice," *Ethics* 48.3, 367–400.
- Kelsen, H. (1941) "Foundations of Democracy," *American Political Science Review*, 1–101.
- Kelsen, H. (1950) "Causality and Imputation," *Ethics* 61.1, 1–11.
- Kelsen, H. (1951) "Science and Politics," *American Political Science Review* 45.3, 645–665.
- Kelsen, H. (1959) "On the Basic Norm," *California Law Review* 47.1, 107–110.

⁷ Kelsen 1941.